DOI: 10.56429/2414-4894-2025-51-3-27-51

Андросова Татьяна Владимировна
канд. экон. наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН.
Москва, Ленинский проспект, д. 32А
androsovat@mail.ru

МИРНЫЙ ДОГОВОР 1920 г. МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ВЯЙНЁ ТАННЕРА

Androsova Tatiana V.
Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher,
Institute of Universal History of RAS.
Moscow, Leninsky ave., 32A
androsovat@mail.ru

THE 1920 PEACE TREATY BETWEEN FINLAND AND SOVIET RUSSIA: THE MEMOIRS OF VÄINE TANNER

Аннотация. Мирный договор между Советской Россией и Финляндской Республикой, подписанный в Тарту в 1920 г., заложил основы отношений двух соседних стран. В. Таннер, возглавивший реформистскую Социал-демократическую партию Финляндии после поражения «красных» в Гражданской войне 1918 г., был непосредственным участником мирных переговоров. В своих мемуарах Таннер скрупулезно исследует вопрос заключения договора с Советской Россией через призму развития внутренней и мировой политики. Его оценки порой до мельчайших деталей совпадают с оценками советских дипломатов, работавших на переговорах в Тарту. Обращение к истории мирного урегулирования отношений между Россией и Финляндией позволяет в числе прочих сделать вывод: более реалистичный подход к отношениям с «большим восточным соседом» позволил бы финляндскому политическому руководству принять в 1920 г. необходимые решения, которые избавили бы Финляндию от последующих войн с Советским Союзом и значительных территориальных потерь.

Ключевые слова: *национальная независимость, гражданская война, глобальные интересы, территориальные претензии, мирный договор.*

©Андросова Т.В., 2025
©Androsova T.V., 2025

Abstract. The peace Treaty between Soviet Russia and the Republic of Finland, signed in Tartu in 1920, laid the foundations for relations between the two neighboring countries. V. Tanner, who led the reformist Social Democratic Party of Finland after the defeat of the Reds in the Civil War of 1918, was a direct participant in the peace negotiations. In his memoirs, Tanner scrupulously examines the issue of concluding an agreement with Soviet Russia through the prism of the development of domestic and world politics. His assessments sometimes coincide to the smallest detail with the assessments of Soviet diplomats who worked at the negotiations in Tartu. Referring to the history of the peaceful settlement of relations between Soviet Russia and Finland, among other things, allows us to conclude that a more realistic approach to relations with the "big eastern neighbor" would have allowed Helsinki to make the necessary decisions in 1920 that would have saved Finland from subsequent wars with the Soviet Union and significant territorial losses.

Key words: *national independence, civil war, global interests, territorial claims, peace treaty.*

Взаимоотношения России и Финляндии в очередной раз переживают не самые лучшие времена. Их отличает лишь внешняя лояльность, о которой, впрочем, можно говорить с большой натяжкой; деловые контакты свернуты. Нынешняя ситуация сродни ситуации более чем столетней давности: едва ли можно найти логическое объяснение отчуждению, противоречащему здравому смыслу. Отношения двух соседних государств были особенно успешны, когда опирались на триединую формулу «география—экономика—политика». В 1920-е гг. взаимные выгоды близкого соседства были преданы забвению в силу разных причин. Главный минус политики в отношении друг друга в период между двумя мировыми войнами — практически полное забвение роли экономического фактора, стимулирующего политические контакты. В конце 1930-х гг. в Москве сочли целесообразным возврат к традиционной политике, которой следовали еще со времен финляндской автономии в составе Российской империи. Однако для исправления ситуации дипломатических ходов оказалось недостаточно. К лету 1944 г. в общих чертах был готов план послевоенных отношений, нацеленный на доминирование в финляндском импорте и экспорте. С помощью реализации этого плана Советский Союз еще до начала холодной войны смог занять «командные высоты» на переднем фланге противостояния с Западом, именно таким флангом была и остается граница с Финляндией [1, с. 511—546*].

Отношение России к Финляндии всегда отличали лояльность и стремление максимально учесть внутреннюю специфику. Особый тип взаимоотношений двух соседних государств, сложившихся после Второй мировой войны, на Западе в свое время назвали «финляндизацией», подразумевая добровольный отказ от суверенитета. Инициаторами сближения с Москвой (в конце 1940-х гг.) выступили буржуазные радикалы (представители

*Ссылки даны в авторском формате в связи с особенностями использования источниковой базы исследования.

финляндского политического центра). С начала 1960-х гг. среди политических партий существовала острая конкуренция за благосклонное отношение советского правительства. В то время, когда В. Таннер[1] работал над мемуарами, посвященными подготовке первого мирного договора с Советской Россией, социал-демократы находились в оппозиции к официальному курсу, выражая опасения по поводу чрезмерного смещения политического и экономического векторов в сторону приоритетного развития широкомасштабного сотрудничества с Советским Союзом.

В. Таннер представлял реформистское крыло в финском рабочем движении, не участвовал в революции и гражданской войне в Финляндии, после поражения «красных» весной 1918 г. и раскола Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) возглавил социал-демократию под знаменем парламентаризма, чем заслужил отношение к себе со стороны Кремля как к «предателю дела рабочего класса». Между тем в отличие от подавляющего большинства финляндских политиков 1920—1930-х гг. Таннер вполне реалистично оценивал факт непосредственного соседства Финляндии с великой восточной державой. В то время, когда значительная часть рабочего населения фактически была лишена гражданских прав, когда собственные просчеты во внутренней политике официальная власть и широкая общественность списывали на происки большевиков, социал-демократы резко критиковали связи буржуазных партий с белогвардейскими кругами за попытки оказать Юденичу, Колчаку и другим вождям белого движения поддержку в организации выступлений против Советской России. СДПФ осуждала политику буржуазных кругов в Карелии в 1918—1921 гг., считая такую политику политикой авантюр, вредной, в том числе для Карелии [3].

В отличие от Коммунистической партии Финляндии (КПФ)[2], запрещенной до осени 1944 г., СДПФ не была лишена политического представительства, однако почти 20 лет оставалась изгоем. На политическом поле доминировали правые, отказываясь сотрудничать с социал-демократами. Позиции СДПФ в парламенте были слабыми: для одобрения серьезной инициативы требовалось набрать минимум 120 голосов из 200 согласно правилу «квалифицированного большинства». Рекорд социалистов — 80 голосов на выборах 1919 г. был эпизодом, весьма далеким от установленной границы, что позволяло буржуазным партиям игнорировать мнение крупнейшей парламентской фракции при формировании правительства. В 1920-е гг. с активизацией правых и левых радикалов СДПФ значительно потеряла в поддержке: в 1922 г. — 53 места в парламенте, в 1924 и 1927 гг. — 60, в 1929 г. — 59 [19, p. 23].

---

[1] *Таннер Вяйнё Альфред* (1881—1966) — министр иностранных дел во время Зимней войны 1939—1940 гг., министр финансов в 1941—1942 гг., в 1945 г. привлечен к суду по делу о виновниках войны; амнистирован, отбыв в заключении половину срока из назначенных судом пяти с половиной лет тюремного заключения.

[2] Коммунистическая партия Финляндии была основана в Москве в августе 1918 г. бежавшими в Россию руководителями революционного крыла СДПФ после поражения «красных» в гражданской войне.

Внутренняя политика в Финляндии, особенно в 1920-е гг., отличалась острыми межпартийными противоречиями: правые не могли договориться не только с левыми, но и между собой. Политические партии и их руководящие органы были слабыми, партийная система находилась в стадии формирования (в 1920-е гг. были обновлены партийные программы всех политических партий), представления о парламентоцентричном парламентаризме, в пользу которого высказывались социал-демократы, еще не стали политической реальностью. Относительное равновесие достигалось благодаря сильной президентской власти, закрепленной республиканской Конституцией 1919 г. Правительства, особенно в 1920-е гг., создавались под контролем и при деятельном участии президента, были внутренне разобщенными, недолговечными (средний срок — менее года) и как результат неспособными осуществлять действенное политическое руководство. Из 19 правящих кабинетов, сформированных в 1920—1930-е гг., только пять были правительствами большинства, 12 — правительствами меньшинства. Альтернативой политическим правительствам в случае невозможности формирования выступали так называемые правительства чиновников; между двумя мировыми войнами в Финляндии было создано два таких правительства [21, s. 32].

В 1926 г. с благословения президента Л.К. Реландера (1925—1931), который подобно своему предшественнику, первому президенту Финляндской Республики К.Ю. Стольбергу (1919—1925), представлял идеологию общественного согласия, было создано социал-демократическое правительство меньшинства (1926—1927), которое возглавил В. Таннер. Изначальной целью было создание коалиционного правительства, однако Аграрный союз (АС), Национальная прогрессивная партия (НПП) и Шведская народная партия (ШНП) ответили отказом на предложение Таннера. Помимо широкой внутриполитической и социально-экономической программы социал-демократическое правительство заявило о своем стремлении развивать дружественные отношения со всеми без исключения странами [7]. Не имея поддержки в парламенте, под огнем постоянной критики в печати правительство социал-демократического меньшинства заранее было обречено на провал.

В начале 1930-х гг. в условиях сохраняющейся фрагментарности политического поля и разраставшегося экономического кризиса правоцентристские правительства прибегли к помощи крайне правых в борьбе с левыми, поставив, таким образом, под удар неокрепшую политическую систему. Парламентская демократия устояла перед опасностью фашистского переворота, хотя едва ли можно считать таковой политическую систему, в которой рабочее население было лишено гарантированных Конституцией гражданских прав.

В 1920—1930-е гг. СДПФ дважды была допущена к процессу формирования правительства. После не слишком удачной попытки 1926—1927 гг. это вновь произошло в 1937 г., когда была создана правительственная коалиция СДПФ и АС, провозгласившая курс на строительство «государ-

ства всеобщего благоденствия». Так называемое красноземное правительство стало первым шагом в направлении консолидации общества в условиях перманентного напряжения в отношениях с Москвой, заявившей на политических переговорах 1938—1939 гг. о своих вполне конкретных геополитических интересах в преддверии большой войны в Европе.

Таннер считал необходимым согласиться с предложением советского правительства о территориальном обмене, крайне важном с точки зрения обеспечения безопасности СССР и не наносящем ущерба безопасности Финляндии. Так считали Ю.К. Паасикиви, К.Г. Маннергейм и те немногие, кто хорошо знал Россию. Однако их точка зрения фатально не совпадала с позицией большинства из числа тех, кто определял направление финляндской официальной внешней политики [2, с. 125—150].

Рукописный вариант своих воспоминаний В. Таннер окончательно подготовил весной 1947 г. К этому времени ситуация в советско-финляндских отношениях была кардинально отличной от ситуации 1920—1930-х гг. Взаимное отчуждение сменилось тесным сотрудничеством на всех уровнях — от экономического до прямых контактов высшего политического руководства. К моменту опубликования мемуаров в 1949 г. Финляндия успела подписать политический пакт с Советским Союзом (апрель 1948 г.): вследствие репарационных выплат, фундаментальным образом изменивших промышленную структуру, финляндская экономика фактически превратилась в придаток советского народного хозяйства, что существенно сузило возможности для маневра в сфере политических взаимоотношений [17, p. 33—48; 18, s. 39—65].

Таннер скрупулезно исследует отношение к вопросу заключения мирного договора с Советской Россией на различных дискуссионных площадках (в правительстве, парламенте, внутри политических партий) через призму развития внутренней и мировой политики. Обращение к истории подготовки первого мирного договора между Финляндской Республикой и Советской Россией выглядит вполне логичным как минимум потому, что в качестве главы крупнейшей парламентской фракции Таннер принимал самое непосредственное участие в этом процессе. В новых послевоенных условиях это был хороший повод подвести некий итог развития финляндской восточной политики. Таннер считал, что мирный договор 1920 г. «был настолько хорош, насколько это вообще было возможно в тогдашних условиях. Особенно если сравнивать его с Московским миром 1940 г. и с мирным договором 1947 г.» [20, s. 229—230]. Это не единственный комментарий в книге, за которым скрывается убежденность, что более реалистичный подход к отношениям с «большим восточным соседом» позволил бы принять в 1920 г. необходимые решения, которые избавили бы Финляндию от последующих войн с Советским Союзом и значительных территориальных потерь.

Воспоминания Таннера являются полноценным документальным источником, свободным от политических пристрастий и какой-либо ангажированности автора. Описывая особенности финляндской дипломатической кухни, Таннер ничего не утаивает и не искажает, его оценки, в том

числе финляндского высшего руководства, не всегда лицеприятны, порой до мельчайших деталей совпадая с оценками советских дипломатов, работавших на переговорах в Тарту (Юрьев), о чем свидетельствуют документы из российских архивов. Хотя определенное стремление реабилитировать в глазах московского руководства отказавшуюся от революционной борьбы СДПФ в мемуарах все же присутствует.

Мирный договор 1920 г. стал важным межгосударственным событием для России и Финляндии, указав на первенство геополитических целей, ради которых Москва пошла на существенные уступки. Интерес советского правительства к установлению нормальных политических и экономических отношений был вполне очевиден для Хельсинки. Однако лояльность восточного соседа имела свои границы. Двусторонний мирный договор, полагал Таннер, мог быть заключен уже летом 1918 г. в Берлине, если бы не непомерные амбиции финляндской стороны.

Вопрос об отношениях с большевистской Россией, так или иначе, был связан с вопросом о финляндской независимости. Вот что пишет Таннер о первых попытках нормализовать отношения, предшествовавших заключению мирного договора осенью 1920 г.:

«6 декабря 1917 года, в тот день, который мы привыкли отмечать как фактический День независимости, от имени буржуазного большинства парламента был предложен проект следующей резолюции:

“В связи с тем, что правительство внесло в парламент предложение о новой форме правления (*Конституция. — Т.А.*), согласно которой Финляндия является независимой республикой, парламент как носитель высшей государственной власти, в свою очередь, принимает решение закрепить этот принцип, а также одобрить меры, которые правительство объявило необходимыми в интересах признания государственной независимости Финляндии”.

Поскольку это предложение не в полной мере удовлетворило социал-демократическую фракцию, с ее стороны было выдвинуто предложение следующего содержания:

“Как носитель высшей государственной власти парламент заявляет, что Финляндия является независимой республикой. Необходимо стремиться к осуществлению независимости в согласии с Россией путем заключения соответствующего договора. Для рассмотрения этого предложения следует создать консультативный совет с равным числом представителей от Финляндии и России. Для окончательного утверждения эти предложения должны быть переданы на рассмотрение суверенным государственным органам обоих государств. Финляндии следовало бы попытаться склонить другие государства к признанию Финляндской независимой республики и заключению с ней договоров об организации отношений”.

За предложение буржуазного большинства было подано 100 голосов против 88 голосов, поданных за предложение фракции СДПФ. Таким образом, парламентское большинство, представленное буржуазными пар-

тиями, явно стремилось рассматривать вопрос о независимости отдельно от вопроса отношений с Россией.

С тех пор в нашей стране развернулись дебаты об отношении парламентской фракции СДПФ к вопросу о независимости, причем некоторые буржуазные круги обвиняли социал-демократов в противодействии независимости.

Провозглашенной независимости необходимо было обеспечить международное признание. Правительство Свинхувуда[3] первоначально направило уполномоченных лиц в Швецию и Германию для представления пожеланий о признании. В обоих случаях уполномоченным предложили вначале обратиться с таким предложением к России, после чего и они (*правительства Швеции и Германии. — Т.А.*) были бы готовы дать свое согласие. Правительство Финляндии не желало этого делать, но, в конце концов, этот путь оказался единственно возможным.

С предложением признать независимость Финляндии в конце 1917 г. отправился (*в Петроград. — Т.А.*) вначале бывший министр-статс-секретарь Энкель и затем сенатор Свинхувуд.

Как результат этих визитов 8 января 1918 г. Свинхувуд смог представить парламенту ответ советских властей:

"ВЦИК, с учетом предложения Совнаркома, на своем заседании 22 декабря по старому стилю (2 января по новому стилю) принял решение:

1. Признать государственную независимость Финляндской Республики;

2. Организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России".

Вслед за этим последовало признание независимости Финляндии другими странами, вначале Швецией и Францией. Как можно заметить, в резолюции ВЦИК в несколько иной форме присутствует та же мысль, что и в предложении социал-демократической парламентской фракции, что, по-видимому, было связано с тем, что представители СДПФ находились в контакте с Центральным Комитетом. Большевики приняли принципиальное решение признать независимость Финляндии 28 декабря 1917 г. Днем раньше, когда Сенат еще только собирался направить своих эмиссаров в Петроград прозондировать отношение советского правительства к факту провозглашения Финляндией независимости, социалисты К.Х. Виик, Э. Гюллинг и К. Маннер уже обо всем переговорили с Лениным в Смольном. То, что признание со стороны Советской России произошло так быстро, отчасти было заслугой правительства Германии.

Финляндский парламент, в свою очередь, одобрил идею создания смешанной комиссии и приступил к ее формированию. Полагая достаточным избрать всего 10 членов, правительство предложило назначить пятерых

---

[3] Свинхувуд Пер Эвинд (1861—1944) — финский политик, председатель Сената (1917), регент (1918), премьер-министр (ноябрь 1917 — май 1918), президент (1931—1937).

представителей от Финской партии. Но парламент ограничился избранием семерых членов... в их числе были: сенатор Юхо Кусти Паасикиви[4], коммерции советник Ларс Крогиус, сенатор Лео Эрнрут, доцент В.О. Сивен, а также Эдвард Валпас-Хэннинен, Оскари Токой и Эверт Хуттунен. Советская сторона дотянула с назначением своих представителей в Комиссию до тех пор, пока в Финляндии в конце января 1918 г. не вспыхнула гражданская война, так что Комиссия в таком составе даже не приступала к работе. <...>

На некоторое время все меры, направленные на урегулирование отношений были отложены. Но когда вновь вернулись к вопросу, дела пошли очень быстро.

Естественно, начало процессу урегулирования отношений с Россией положил Совет Народных Уполномоченных (*СНУ, «красное» правительство — Т.А.*), который по праву, данному революцией, представлял власть в Южной Финляндии. Переговоры быстро закончились подписанием Договора (из 20 статей) между Российской и Финляндской социалистическими республиками, который 1 марта 1918 г. от СНУ подписали Эдвард Гюллинг и Оскари Токой, от имени советского правительства — Ленин, Прошьян, Троцкий и Сталин. <...>

По договору, стороны взаимно отказывались от имущества в пользу того государства, на чьей территории оно оставалось, с уплатой возмещения, величина которого впоследствии должна была быть определена специально созданной для снятия всех вопросов смешанной комиссией. Взаимные финансовые обязательства оставались в силе, решения по ним должны были быть приняты позднее. Стороны гарантировали друг другу свободный заход торговых судов в морские, речные и озерные порты, между странами предполагалось организовать постоянное прямое беспересадочное железнодорожное сообщение, доставка грузов также не предполагала перегрузку. Финляндские граждане, представлявшие рабочий класс, получали в России те же гражданские права, что и российские граждане. Финляндия, в свою очередь, обязалась предоставить россиянам возможно более легкие условия получения гражданских прав в Финляндии. Россия соглашалась уступить Финляндии область Петсамо (*Печенга. — Т.А.*) в случае, "если бы местное население на основании свободного опроса выразило на это свое согласие". Но Финляндия должна была выплатить России денежное возмещение... величина которого должна была быть впоследствии назначена Комиссией. Все другие детали также предполагали последующее разрешение.

Это соглашение никоим образом не затрагивало ряд деликатных вопросов, которые на более поздних этапах будут играть важную роль. Что было действительно новым в нем, так это то, что территория Петсамо была обещана Финляндии, хотя и не бесплатно. <...>

---

[4] *Паасикиви Юха Кусти* (1870—1956) — финский политик, 7-й президент Финляндской Республики (1946—1956), инициатор послевоенного внешнеполитического курса, основанного на дружественных отношениях с Советским Союзом.

Поскольку гражданская война закончилась поражением революционного правительства, договор с Россией остался лишь историческим воспоминанием. Во время войны, в дополнение к предыдущим вопросам, всплыл новый факт, который в ходе последующих переговоров стал предметом острых разногласий: финские войска заняли волости Репола и Пораярви (*Ребола и Поросозеро. — Т.А.*) по другую сторону старой исторической границы между Финляндией и Россией.

Новым этапом в подготовке мирного договора стали переговоры между Финляндией и Советской Россией в Берлине летом 1918 г., которые проходили тайно, по крайней мере, в Финляндии о них мало кто знал. События времен гражданской войны в Финляндии и изменившиеся с тех пор отношения между Финляндией и Россией породили целый ряд новых принципиальных вопросов, разрешение которых требовало совершенно иных подходов, чем те, которыми стороны ранее руководствовались.

Инициатива переговоров принадлежала советскому правительству. Через германское правительство оно неоднократно доводило до сведения финляндского правительства желание начать переговоры о восстановлении регулярных отношений между Финляндией и Россией. Правительство Финляндии, в котором Свинхувуд был регентом, а Паасикиви — премьер-министром, согласилось с предложением и обратилось к немецкому правительству с просьбой выступить посредником на переговорах. Это казалось естественным в условиях, когда Германия, в некотором смысле, определяла внутреннюю и особенно внешнюю политику Финляндии. Германия, которая в начале зимы, 9 февраля 1918 г., заключила с Советской Россией мир в Брест-Литовске, взяла на себя роль посредника. Мирные переговоры начались 2 августа 1918 г. в Берлине.

Хотя эти переговоры не привели к результату, они были интересными, в частности, тем, что на них были заявлены точки зрения и тогдашние цели обеих сторон. Программа, с которой на переговоры вышла финляндская делегация, продемонстрировала огромное ощущение силы, которое переполняло тех, кто тогда был у власти в Финляндии.

Финляндию на этих переговорах представляли министр Карл Энкель (председатель), министр Рафаэль Эрих, главный врач сухопутных войск В.О. Сивен, государственный советник Август Рамзай, бывший сенатор Хуго Раутапяя и главный врач Й.В. Вартиоваара. Советская делегация: Воровский (председатель), Фюрстенберг (*Яков Ганецкий. — Т.А.*) и Менжинский. Правительство Германии, под эгидой которого проходили переговоры, на мероприятии представляли: заместитель министра иностранных дел фон Штумм, тайный советник Надольны (Nadolny), советники фон Траутман, фон Балиганд и Фрей, капитан морской пехоты Ванселофф, майор Кранц, капитан-лейтенант Гарцке, лейтенант Олснер и официальный представитель министерства иностранных дел доктор Шелл. Таким образом, немецкое представительство было очень сильным и время от времени оно вмешивалось в переговоры.

Мероприятие от лица “хозяев мероприятия” открыл фон Штумм. Он отметил: “после обретения Финляндией независимости многие вопро-

сы требуют своего разрешения, прежде всего, пограничные вопросы, а также целый ряд юридических и экономических вопросов. Многие обстоятельства, особенно военные события в Финляндии, до сих пор мешали финскому правительству приступить к выполнению этих задач. Но посредничество правительства Германии способствовало тому, что представители обеих стран (*Финляндии и России. — Т.А.*) теперь встретились в Берлине". Он пообещал помощь немецкого правительства в случае возникновения любых осложнений в ходе переговоров.

С ответными приветственными речами выступили Энкель и Воровский. Последний с удовлетворением констатировал, что советское правительство в соответствии с принципом права наций на самоопределение признало независимость Финляндии, "поскольку именно Финляндию, страну фактически независимую, но связанную цепями старой системы с Российской империей, все свободомыслящие россияне считали независимой страной, чье желание быть свободной и самостоятельной было очевидно для всех".

Когда перешли к собственно вопросам, сразу обнаружилось, что реальность отличается от красивых торжественных речей. Сразу же забуксовали на том, была ли вообще война между Финляндией и Россией? Российские представители отрицали это, утверждая, что финское правительство никогда не объявляло войну. Тот факт, что гражданская война имела место в Финляндии, по их мнению, никоим образом не касался России. Финляндская сторона стояла на том, что война велась и что теперь она должна была закончиться заключением мирного договора. В подтверждение своих доводов финны указывали на то, что русские не вывели свои войска из Финляндии после того, как страна стала независимой, и что эти войска участвовали в боевых действиях в Финляндии. Этот теоретический вопрос оставался открытым на протяжении всего времени переговоров, что, в свою очередь, мешало достижению результатов.

Еще большие разногласия возникли при обсуждении вопросов, внесенных в программу переговоров. Финляндия выдвинула очень большие территориальные претензии. Ссылаясь на принцип самоопределения народов, финляндская делегация требовала, чтобы вся территория к востоку от границы, на которой проживало финноязычное население, была присоединена к Финляндии. Составители программы переговоров были осведомлены о часто упоминаемой границе трех перешейков (*идея финских ирредентистов. — Т.А.*), от Финского залива через Ладожское озеро к Онежскому озеру и Белому морю. В более точном определении граница должна была проходить вдоль реки Свирь до Онежского озера и далее до южного побережья Белого моря, с включением Соловецких островов в состав финских территорий. Кольский полуостров также должен был отойти Финляндии.

В ответ на встречный вопрос, что предлагается взамен этой обширной территории, было заявлено, что об этом не думали, но что эта территория должна быть присуждена Финляндии на основании принципа о самоопределении наций.

Подобные требования русские отвергли, пояснив, что принцип самоопределения не распространяется так далеко. Что здесь на первый план выходят государственные интересы. И что у них (*у русских. — Т.А.*) тоже есть территориальные претензии. Они потребовали себе острова Финского залива, а также территории на Карельском перешейке к юго-востоку от линии Кякисалми—Выборг.

При обсуждении экономических вопросов точки зрения также не совпали. Финляндия не считала для себя обязательным участвовать в погашении царских долгов и в военных расходах, предъявив России требование о компенсации финляндским гражданам ущерба, причиненного во время войны. Собственность российского государства, находившаяся в Финляндии, должна была там и остаться, без какого-либо возмещения.

Русские также считали Финляндию свободной от обязательств по царским долгам. Пойти на такую уступку было не трудно, поскольку Советская Россия и сама не собирался погашать долги. Другие пункты программы российской стороны: "Финляндия несет ответственность за военные расходы России до прихода к власти большевиков; Россия несет ответственность за причиненный ущерб; Россия возвращает имущество, вывезенное в Россию, наиболее важной частью которого были плавучие средства; Финляндия компенсирует потери, понесенные русскими, находившимися в Финляндии во время гражданской войны; Финляндия возвращает российскую собственность, находящуюся в Финляндии; предоставляет России право демонтировать военные укрепления, забрать с собой военные материалы и военную технику и выплачивает компенсацию за уничтоженное российское военное имущество; принадлежащее России недвижимое имущество в Финляндии может быть передано финляндскому государству; в случае, если стороны не сойдутся в цене, Россия распродаст свое имущество частным лицам"» [20, s. 8—17].

Программы были столь различны, что переговоры в Берлине закончились ничем. Как следствие, отношения еще больше накалились. В официальных нотах финская сторона допускала пассажи, подобные следующему: «Советское правительство, в котором нет ни одного рабочего или крестьянина, представляет собой самую отвратительную тиранию. Устав от дискуссий с таким правительством, правительство Финляндии заявляет, что терпению пришел конец и что оно считает себя вправе без предварительного уведомления принять необходимые меры, чтобы привести в чувство советское правительство» [20, s. 221—222]. От угроз вскоре перешли к делу, вторгшись на территорию Беломорской Карелии под лозунгом помощи соплеменникам в борьбе с большевизмом. Правительство позднее заявляло, что ничего не подозревало об этом, не говоря уже о спонсировании финляндских добровольцев. Летом 1919 г. генерал Маннергейм вел переговоры с генералом Юденичем об участии финских войск в походе на Петроград. Официальные финляндские власти, также как в случае интервенции на советскую территорию, дистанцировались от этих планов.

Программа, с которой финляндская сторона вышла на переговоры с Юденичем, в своей экономической части во многом совпадала с официальной программой, представленной на переговорах в Берлине 1918 г. Территориальные претензии, правда, были гораздо скромнее. В белоэмигрантских кругах саму мысль о разбазаривании земель, принадлежавших российской короне, считали кощунственной. К весне 1919 г. независимость Финляндии была признана рядом стран, в том числе Англией, Францией и США, странами, на чью поддержку, финансовую и военную, рассчитывали белоэмигрантские силы. Но принципиально это ничего не поменяло в отношении к вопросу о судьбе Финляндии. Так же как в свое время Временное правительство, белые генералы считали, что она должна быть решена Учредительным собранием после победы над большевизмом. Стороны в итоге так и не договорились.

В середине сентября Россия обратилась к правительствам прибалтийских государств и Финляндии с предложением провести мирные переговоры. Таллин, Рига и Вильнюс ответили согласием, поскольку их международные позиции по-прежнему были шаткими, хотя российские войска к тому времени оставили Прибалтику. Хельсинки предпринял попытку объединить усилия стран-лимитрофов и выступить общим фронтом на мирных переговорах с Россией. Такие переговоры прошли в Таллине 14—15 и 29—30 сентября и затем 1 октября в Тарту. Единственно, чего удалось добиться, это склонить прибалтийские страны несколько отсрочить ответ.

16 октября 1919 г. премьер-министр Финляндии Ю. Веннола сообщил парламентариям о предложении Советского Союза заключить мир. В поддержку мирных переговоров высказались только социал-демократы. Все остальные партии реагировали на мирную инициативу советского правительства «с крайним высокомерием», считая переговоры бессмысленными, если не абсурдными: мало кто верил в долговечность большевистского режима, одобряя в этой связи западную интервенцию против Советской России. Согласно официальной внешнеполитической линии, Финляндия готова была и впредь участвовать в планах западных держав, продолжая политику эмбарго, не допуская транзит через свою территорию пассажирских судов и грузоперевозки. И все же политику правительства правые сочли недостаточно жесткой. Дальше всех пошли коалиционеры[5], призвавшие с парламентской трибуны к участию в походе Юденича на Петроград [20, s. 20—21].

В итоге резолюция по докладу премьер-министра парламентом не была принята, что означало фактический отказ от переговоров.

Несмотря на провал операции Юденича, подписание мирного договора между Эстонией и Советской Россией в феврале 1920 г., а также успешное наступление Красной армии против белогвардейских частей

[5] Коалиционеры — члены правоцентристской Национальной коалиционной партии (НКП).

на севере и северо-западе, позиция Хельсинки оставалась неизменной. Финны не желали оставлять волости Ребола и Поросозеро[6], претендуя также на Печенгу, пограничную с Норвегией область Кольского полуострова[7].

В конце 1919 г. советское правительство заявило о стремлении к установлению дружественных отношений с другими странами. Находясь в тисках экономической блокады и имея возможность транзита только через Таллин, Россия, чья экономика была практически разрушена, стремилась к открытию сквозного движения через территорию Финляндии.

26 марта нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в телефонограмме министру иностранных дел Р. Холсти предложил начать мирные переговоры. Ответ был положительным, но при одном условии: еще до начала мирных переговоров российские войска оставят Печенгу. На это финнам вежливо указали, что аспекты, которые должны были стать предметом переговоров, не могут выдвигаться в качестве условия начала таковых. Перетягивание каната в изысканно дипломатической манере продолжалась больше 10 дней, когда, наконец, 7 апреля Р. Эрих, сменивший Ю. Веннолу на посту премьер-министра, кратко не проинформировал советское правительство о готовности Финляндии к переговорам о перемирии. Они начались 12 апреля и продлились 12 дней: финляндская сторона отказалась удовлетворить требование о свободном плавании российских судов по Финскому заливу; российская сторона, в свою очередь, отвергла политические требования, а именно прекращение деятельности КПФ на территории России. Стороны раз за разом приводили одни и те же аргументы, что делало бессмысленным продолжение переговоров.

Переговоры закончились тем, что 24 апреля с российской стороны было заявлено о необходимости «временно» (кавычки В. Таннера) прервать неплодотворные переговоры и отправиться в Москву для доклада состояния дел непосредственно Реввоенсовету [20, s. 25—28]. 20 апреля 1920 г. главнокомандующий вооруженными силами С.С. Каменев отдал приказ о занятии «вплоть до заключения перемирия с Финляндией всей территории к северу от Ладожского озера и до границы с Финляндией и Норвегией, за исключением приходов Репола и Порос-озеро (*так в документе. — Т.А.*)» [12].

10 мая 1920 г. в записке В.И. Ленину Г.В. Чичерин остановился на внешнеполитических причинах заключения с Финляндией мирного договора. Со ссылкой на ноту Керзона [8, с. 510—511], наркоминдел указал на вероятность отправки кораблей английского флота на Балтику, подозревая финнов в «агрессивных планах, облегчаемых перерывом перего-

---

[6] В августе 1918 г. преимущественно карельское население этих волостей проголосовало за присоединение к Финляндии.

[7] Освоение побережья Баренцева моря фактически началось при Александре II. В Печенге возникли обособленные общины, объединявшие русских, финских и даже норвежских переселенцев (граница с Норвегией не была четко проведена), занимавшихся в основном рыбной ловлей. В 1920-е гг. в Печенге обнаружили богатые месторождения никеля, что повысило ставки в большой игре.

воров». Главком, по словам Чичерина, считал крайне важным избежать финского наступления, настоятельно предлагая перенести переговоры «из военных в дипломатические руки». Чичерин полагал это возможным лишь в том случае, если «мы сделаем предложение уже не о перемирии, а о мире». С.С. Каменев полностью разделял такой подход. Чичерин считал, что момент для переговоров не самый благоприятный, и предложение будет воспринято как «признак слабости», и «начатые при этих условиях переговоры до изменения положения ни к чему не приведут, но их можно тянуть и тянуть... в обстановке мирных переговоров Финляндии будет невозможно создать у себя подходящую психологию для наступления. Если делать мирное предложение Финляндии, надо его сделать сейчас же» [10].

Несмотря на провал переговоров о перемирии, уже через четыре дня, 16 апреля, президент К.Ю. Стольберг отдал распоряжение об образовании комитета из представителей различных политических партий для изучения вопросов, связанных с заключением мира с Россией. Первое рабочее заседание состоялось 19 апреля, в нем также приняли участие члены правительственной комиссии по иностранным делам во главе с премьер-министром. Р. Эрих считал важным, чтобы условия со стороны Финляндии оставались неизменными на протяжении всех переговоров, однако на словах предоставил членам комитета свободу рук в процессе разработки программы переговоров. На практике все оказалось гораздо сложнее. Комиссия работала с энтузиазмом практически каждый день в течение двух месяцев. Интенсивность работы увеличилась после того, как 12 мая было получено предложение России о начале мирных переговоров.

И вновь начался обмен любезностями. Спустя два дня финское правительство ответило на предложение: «Финское правительство, все еще воодушевленное искренним желанием восстановить мир и добрые отношения между Финляндией и Россией, соглашается, несмотря на прерывание переговоров о перемирии, вступить в мирные переговоры с советским правительством. В ближайшее время правительство Финляндии внесет предложение о месте и времени проведения переговоров». На это был получен столь же дружественный ответ: «Советское правительство самым благосклонным образом рассмотрит предложение правительства Финляндии о месте и времени проведения мирных переговоров между нашими двумя странами».

В качестве места проведения переговоров финляндское правительство рассматривало несколько вариантов: Выборг, Москва, Тарту и Копенгаген. После того как датчане заявили, что были бы благодарны, если бы их избавили от такой чести, Хельсинки, заручившись согласием правительства Эстонии, предложил Москве провести мирные переговоры в Тарту.

После отставки правительства Ю. Веннолы в марте 1920 г. социал-демократы пересмотрели свое отношение к участию в правительстве, ко-

торое, согласно партийному уставу, допускалось только в чрезвычайных ситуациях. Партийное голосование подтвердило готовность СДПФ разделить с другими партиями правительственную ответственность. Однако буржуазные партии проигнорировали предложение о сотрудничестве со стороны СДПФ, сформировав буржуазное коалиционное правительство Р. Эриха. Это только подстегнуло социал-демократов, которые постоянно муссировали в парламенте вопрос о мирном договоре с Россией, не уставая задавать один и тот же вопрос: «Какие меры планирует принять правительство для скорейшего достижения мира между Финляндией и Советской Россией?». Отвечая на очередной запрос социалистов, премьер-министр в начале июня заявил, что правительство не видит препятствий для начала мирных переговоров с Россией, и что это общая позиция всех членов кабинета [20, s. 29—30]. Для подготовки ответа на запрос правительству понадобилось ни много ни мало четыре недели.

Финны хотели заключить такой договор с Россией, который одобрили бы все политические партии. Чего было сложно ожидать в принципе. Не только в правительстве, как потом продемонстрировал дальнейший ход событий, но и в комитете по подготовке программы мирных переговоров возникло множество разногласий по поводу конечных целей переговоров. Цели социалистов были куда скромнее, чем у представителей буржуазных партий, это особенно было заметно при обсуждении территориальных вопросов [20, s. 34—35].

Начать переговоры планировали 10 июня 1920 г. Но российская делегация прибыла в этот день ближе к ночи, и первое заседание состоялось на следующий день. Финские переговорщики были приятно удивлены деловым подходом российских участников — те сразу предложили начать с заключения перемирия. Согласись финны с таким предложением, пришлось бы предоставить русским кораблям возможность заходить в Финский залив. Для этого пришлось бы его разминировать. Контроль над Финским заливом был одним из главных козырей, тратить его попусту не хотели. Попытались вновь навязать старый вариант: вывод советских войск из Печенги и района Ухты (Беломорская Карелия) в качестве условия заключения перемирия. Все территориальные претензии русскими были сходу отвергнуты, после чего за столом возникла долгая пауза. Молчание нарушил председатель российской делегации Я. Берзин[8], предложив передать вопрос на рассмотрение специальной комиссии по территориальным вопросам для поиска возможного компромисса.

Финны расценили первый раунд переговоров как свою победу. Однако радоваться было рано. Успехи Красной армии на польском фронте указывали на возможное снижение интереса советского правительства к заключению мирного договора с Финляндией. В. Таннер считал, что единственными причинами, побуждавшими Москву искать мира, был ком-

[8] Ян Берзин (настоящее имя Петерис Кюзис, 1889—1938) — большевик, друг и соратник В.И. Ленина, один из создателей и руководителей советской военной разведки.

мерческий интерес, организация транзитных перевозок через Финляндию и прорыв морской блокады в Финском заливе [20, s. 54—55].

В принципе верно, но это не все причины, подталкивавшие Москву к скорейшему заключению мира. Летом 1920 г. Россия параллельно решала задачи с Польшей, прибалтийскими государствами, Врангелем, Англией и Финляндией. Окончательный разрыв отношений с Финляндией вполне допускали, стараясь его максимально отсрочить. В случае провала переговоров в Тарту Г.В. Чичерин считал возможным вынести вопросы (железнодорожные, торговые, почтовые и пр.), касающиеся всех восточно-европейских государств, на Лондонскую конференцию [5]. 11 июля 1920 г. Д. Керзон предложил созвать конференцию из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии, Финляндии и правительства Врангеля для переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями [9]. Советское правительство в ноте от 17 июля ответило отказом, несмотря на то, что Англия могла бы поднять против России не только Финляндию, но и Румынию.

Так или иначе, надо было договариваться с финнами, «внезапное выступление которых могло нам сильно повредить. Кроме того, если в наших руках Печенга и Карелия, то в руках Финляндии Финский залив, в частности необходимый нам северный фарватер, без которого настоящее плавание невозможно». В Москве задумались о том, чтобы пойти на некоторые финансовые уступки. До середины июля уступок финнам не делали [6].

Эйфория улетучилась вечером того же дня. Обсуждая первые итоги переговоров, финские переговорщики чуть не переругались. В итоге практически все согласились с тем, что аппетиты следует поумерить, хладнокровно продолжить переговоры в интересах достижения возможно более выгодного мира. Было решено держаться за идею сохранения *status quo*. Если бы русские потребовали предоставить свободное плавание по Финскому заливу, тогда встречным требованием стало бы требование вывода российских войск с территории Петсамо и Ухты. Свои условия заключения перемирия финляндская сторона огласила на втором заседании специальной комиссии в двадцатых числах июня. Они сводились к следующему:

«1. Перемирие заключается на основании нынешнего *status quo*, демаркационной линией на суше устанавливается линия, на которой войска ныне стоят. Войскам и летательным аппаратам воспрещается переходить эту линию.

2. Исключение составляет часть границы, находящаяся между пунктом скрещения северной границы Ребольской волости с финляндской границей... где река Нота (Науртиоки) пересекает финляндскую границу — территория по восточной стороне этой границы предоставляется управлению местного населения, причем обе договаривающиеся стороны обязываются не держать войск и не приступать к военным мероприятиям на этой территории.

3. Демаркационной линией на Ладожском озере и в Финском заливе, где нет постоянного фронта, устанавливается граница обоих государств 1917 г. Судам и летательным аппаратам воспрещается переходить эту линию.

4. Перемирие устанавливается на неопределенное время с правом отказа от него, с предупреждением за двое суток. На наш запрос по пункту 2 они предъявили карту, из которой видно, что очищению подлежит вся территория Восточной Карелии, подходя на 10—20 верст к Мурманской дороге».

На документе имеются пометки Г.В. Чичерина и В.И. Ленина:

«С политической точки зрения уступать не следует. Коридор на север нам слишком необходим. Таково ли наше общее положение, чтобы идти на столь тяжелые уступки??? Не мне решать. Чичерин

24/VI Я против уступки Ф[инлян]дии. Если другие члены П[олит]бюро не согласны, предлагаю хотя бы оттянуть до вт[орни]ка. Ленин» [4].

Финляндия была нацелена на экспансию и на север, и на восток. Иными словами, цели были те же, что и заявленные на переговорах в Берлине в 1918 г.: во-первых, объединить финноязычные народы под властью Финляндии и, во-вторых, обеспечить выход к Северному Ледовитому океану.

Претендуя на пограничные волости Ребола и Поросозеро на основании права наций на самоопределение, Финляндия была готова разрешить местным жителям самим сделать свой окончательный выбор между Финляндией и Россией. Референдума требовали и для населения остальной Восточной Карелии с правом самим решать, хотят они остаться в России или стать гражданами Финляндии.

Финны также апеллировали к обещанию, в свое время данному Александром II, и к Договору 1918 г. советского правительства с СНУ. Если первое еще как-то можно объяснить недавним общим прошлым, которое, впрочем, всячески пытались забыть, попытка использовать тот факт, что Россия была готова безвозмездно уступить Печенгу «красному» правительству, которое считали незаконным, каким оно и было по факту, указывает на слабую обоснованность претензий. Припомнили также то, что в 1826 г., когда Россия и Норвегия заключили договор о границе на Севере, интересы Финляндии якобы были проигнорированы, замалчивая тот факт, что «исконно-финские земли» никогда не были частью Швеции—Финляндии или Великого княжества Финляндского. Экономический аргумент — Финляндии необходим незамерзающий порт на побережье Северного Ледовитого океана — был, пожалуй, самым веским, но ни к чему не обязывающим Россию в принципе.

Россия предлагала считать государственной границей пограничный рубеж 1917 г. с корректировками по Финскому заливу с учетом сложившейся обстановки. Острова Суурсаари, Лавансаари, Сейскари и Тютарсаари предлагалось уступить России для обеспечения свободного прохода судов до Петрограда. Кроме того, на Карельском перешейке вблизи

Петрограда граница должна была подвергнуться незначительным изменениям.

Россия отвергла претензии на Реболу и Поросозеро, квалифицировав попытки Финляндии как вмешательство во внутренние дела. Карельский вопрос в целом считали решенным, поскольку к тому времени уже была создана Карельская автономия.

Социал-демократы призывали к скорейшему заключению мирного договора и были готовы уступить России острова в Финском заливе. Аграрии[9] были не против того, чтобы отдать что-то на перешейке, но только не острова. Президент К.Ю. Стольберг считал, что Петсамо для Финляндии важнее, чем пограничные территории Ребола и Поросозеро. Но предпочтительно было ограничиться экономическими уступками и, разумеется, речь не могла идти об обмене на финские территории.

Деловые круги высказались за отказ не только от торгового, но и от мирного договора, полагая, что мирный договор с Россией негативно повлияет на связи Финляндии с Францией и Англией, финансовую стабильность Америки и стоимость финской марки; считали, что отсрочка заключения мирного договора не нанесет ущерба экономической жизни Финляндии [20, s. 161].

Как следствие, правительство в двадцатых числах сентября было почти готово отказаться от достигнутых договоренностей. Многие из уже согласованных решений предлагалось отозвать.

Финские переговорщики устали от неопределенности. Оттого, что свобода рук была номинальной, оттого, что президент неоднократно менял свои инструкции, что правительство всячески тормозило переговорный процесс. Устали от навязанной тактики — выжимать из соперника по максимуму, не давая ничего взамен. 27 сентября члены финляндской мирной делегации В.А. Таннер, К.В. Войонмаа и Ю.К. Паасикиви потребовали от правительства действительной свободы рук, угрожая сложить с себя полномочия [20, s. 165, 169].

Переговоры зашли в тупик. 30 сентября Я. Берзин в телеграмме Г.В. Чичерину предложил уступить по двум пунктам:

«1) Финны хотят в Северной Печенге сенатскую границу [18]82го года, т.е. от перешейка между Средним и Рыбачьим полуостровами на мыс Кекур. 2) Нейтрализацию Гогланда согласно их редакции, т.е. под международной гарантией».

Берзин связывал возможные уступки с нашими неуспехами на фронте, уступками на Рижских переговорах Польше, обострением отношений с Англией и отчаянной агитацией против мира финской печати. Он констатировал, что финны «склонны не только затягивать переговоры, но выставлять новые требования, даже порвать переговоры» [15].

Не дожидаясь (или не дождавшись) ответа, 1 октября Берзин телеграфировал Чичерину:

---

[9] Аграрии — члены центристской партии Аграрный союз.

«Мы сегодня на пленуме заявили, что по двум спорным пунктам о северной границе и Гогланде не можем уступить. Финны столь же категорически настаивали на своей позиции. Когда мы подняли вопрос о перерыве, финны ответили, что они согласны, но что они разумеют под этим разрыв переговоров. Во время перерыва состоялось совещание председателей. Решено сделать еще заседание в понедельник. Мы все категорически и единодушно настаиваем на уступках» [11].

И еще одна выдержка из архивного документа, касательно вопросов тактики. Чичерин отмечал следующее: «Никакая уступка не может обеспечить мира с Финляндией, если не произойдет перед самым его подписанием. За последнее время финляндцы систематически берут назад уже сделанные уступки, один день заявляют о своем согласии на какое-либо решение и на следующий день отказываются от этого решения... Единственная возможность обеспечить себя — оставить открытыми главные спорные вопросы до последнего момента, довести до конца все остальное, парафировать остальные статьи, изготовить весь договор и перед самым его подписанием принять решение о спорных вопросах, чтобы финны не имели времени выдумать вслед за тем новые претензии» [13].

В. Таннер, которому несколькими днями ранее П.М. Керженцев[10] высказал свое отношение к тактике финнов на переговорах, признавал, что именно так все и было. Договора могло и не быть, учитывая как минимум отсутствие у финляндских переговорщиков поддержки со стороны Хельсинки. Противодействовали мирному договору не только деловые круги. Большинство в правительстве Финляндии было против мира с Россией.

На совместном заседании 1 октября Ю.К. Паасикиви признал, что ситуация критическая. Я. Берзин заявил, что у Москвы нет других предложений, и что советское правительство готово положить конец переговорам. В итоге договорились, что разговор продолжат председатели, а заседание в полном составе перенести на понедельник, 4 октября.

Второго октября П.М. Керженцев в беседе с В. Таннером вновь выразил опасения: если даже сейчас будут сняты все спорные вопросы, финны выставят в очередной раз новые требования, и мирный договор никогда не будет заключен. Таннер заверил, что эти опасения напрасны. Шестого октября в Тарту прибыл представитель Финляндии в Гааге К.Г. Эрстрём и сообщил, что Польша намерена заключить с Россией мирный договор и что английский посланник советует Финляндии сделать то же самое [20, s. 176—177, 182].

Последнее, 12-е пленарное заседание мирной конференции состоялось 14 октября. С российской стороны (Берзин) было отмечено: «Мирный договор после таких отношений, какие существовали между Россией и Финляндией, возможен только на основе взаимных уступок, на основе компромисса... При разумной и мудрой политике обеих стран народы, как России, так и Финляндии, могут извлечь из заключенного договора

---

[10] *Керженцев Платон Михайлович* (1881—1940) — революционер, дипломат, журналист, переводчик; один из руководителей советской мирной делегации в Тарту в 1920 г.

большие выгоды. Самым важным результатом этого мирного договора является то, что только теперь с настоящего дня начнутся нормальные отношения между обоими государствами. В этом состоит то великое и поистине историческое значение настоящего мирного договора».

Председатель финляндской делегации Ю.К. Паасикиви отметил следующее: «Достигнутое ныне соглашение и состоялось благодаря обоюдным уступкам. Мы, финляндские делегаты, выражаем ныне при окончании общих наших работ искреннюю надежду на то, что этот мирный договор, по надлежащей его ратификации, будет служить основой [отношений] обоих народов» [14].

В Финляндии круг посвященных в вопросы подписания мирного договора был сравнительно узким: мирная делегация, правительство, президент и в определенный момент парламентский комитет по иностранным делам, который имел право на свое весомое мнение относительно того, в каком направлении следовало продвигаться. Когда работа была завершена, и все решения по спорным вопросам были сведены в один документ, он был вынесен на обсуждение в парламент, который должен был или принять, или отклонить договор. Текст договора был представлен парламенту 23 ноября 1920 г., причем разгорелась широкая дискуссия, которая с перерывами продолжалась до 1 декабря.

Сообщение премьер-министра было сухим и лишенным воодушевления. Р. Эрих заявил, что по истечении более чем четырех месяцев между Финляндией и Россией был подписан мирный договор, который явился результатом согласований, причем со стороны Финляндии были сделаны значительные уступки. Тем не менее правительство посчитало, что мирное соглашение по большей части удовлетворяет требования Финляндии, уполномочило своих переговорщиков подписать его и выступает за его принятие.

В ходе дискуссии высказывалось мнение, что Финляндии вообще не следовало заключать договор с Россией, потому что подготовленный договор якобы ничем не связывает Россию, и что это вопрос времени, когда произойдет смена власти в России. Мир с Советской Россией называли противоестественным, достижения неопределенными, потери неизбежными. Указывали также на то, что соглашение откроет страну для большевистской агитации. Советскую Россию клеймили как «заклятого врага», и это еще не самые резкие определения. Сложившееся положение вещей особо непримиримые (делегаты от ШНП и НКП) сочли унизительным для Финляндии, выражая уверенность, что рано или поздно чувство мщения неизбежно вырвется наружу.

Премьер-министр, члены мирной делегации и не только, отвечая на подобную критику, ссылались на то, что правительство России, с которым Финляндия заключила мирный договор, обладает реальной властью уже в течение двух лет. Что укрепляется международное положение России, и мирный договор, безусловно, накладывает на правительство России обязательства независимо от того, кто будет находиться там у власти. Указывали также на вред, который утверждения о недоговороспособности

России могут принести будущим отношением с восточным соседом. Критикам напомнили, что весь мир стремился к установлению отношений с Советской Россией. В ходе дискуссии были сделаны многочисленные предложения по корректировке текста договора. Все они были отвергнуты. За принятие договора проголосовали 163 депутата, против — 27. Оставалось ратифицировать соглашение. С этой цель была сформирована специальная делегация, которая отправилась в Москву [20, s. 213—226].

* * *

Начало мирных переговоров в Тарту было сопряжено с большими ожиданиями и надеждами со стороны Финляндии. Говорили о необходимости передать Восточную Карелию под международный контроль или в крайнем случае под управление Финляндии. Претендовали на Кольский полуостров, кое-кто лелеял мечту о «Великой Финляндии до Урала». Хотели исправить и другие ошибки истории. Даже в ходе парламентских дебатов открыто говорили, что Санкт-Петербург, основанный на «исконных финских землях», должен быть передан под международный контроль и стать «свободным городом».

С 1918 г. Финляндия полностью контролировала Финский залив, отрезав российский флот от Кронштадтской бухты. По мирному договору пришлось открыть фарватер, убрав минные заграждения, демонтировать военные укрепления. Был разрушен форт Ино на полуострове Иониеми (северное побережье Финского залива), а также крепость Пуумала (восточное побережье). В Петсамо и на Ладоге были введены военные ограничения.

Чаша весов склонилась в пользу финнов только когда Красная армия начала терпеть поражение на польском фронте. Это заставило Москву пойти на уступки и форсировать заключение мира с Финляндией.

Экономические итоги мирных переговоров были настолько выгодными для Финляндии, что их сложно было оспаривать: финны получили не только Петсамо, что обеспечило выход к Северному Ледовитому океану, но и право беспошлинного экспорта на российский рынок. В ответ пришлось уступить требованиям России о нейтрализации острова Сур-Сари (Гогланд) и о возврате пограничных Ребольской и Поросозерской волостей. В националистических кругах договор с Россией считали «постыдным», демонстрируя готовность провести границу между Россией и Финляндией мечом — от Финского залива через Онежское озеро до Белого моря.

В Тарту Москва стремилась отодвинуть границу от Ленинграда для обеспечения безопасности города. По той же причине настаивали на передаче либо нейтрализации островов в Финском заливе. Таким образом было бы обеспечено свободное судоходство в Финском заливе. В то время, когда Финляндия была Великим княжеством, финские территории надежно защищали Россию с запада. Но и тогда неоднократно поднимался вопрос о передаче волостей Уусикиркко и Кивеннапа (с 1948 г.

поселок Поляны и поселок Первомайское в Выборгском районе Ленинградской области) под управление России.

Члены финляндской делегации на мирных переговорах в Тарту были готовы согласиться с пожеланиями советского правительства. Но президент Финляндской Республики и Государственный совет Финляндии отвергали все предложения, ввиду вполне ожидаемых протестов в стране.

Осенью 1939 г. Москва вновь сделала предложение о территориальном обмене в интересах обеспечения безопасности Ленинграда на случай большой войны. Предложение было отвергнуто. В итоге Финляндия потеряла гораздо больше, чем требовали от нее в 1920 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андросова Т.В.* Послевоенные отношения СССР и Финляндии: Торговля и политика // Экономическая история. Ежегодник-2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 511—546.

2. *Андросова Т.В.* Элиты и лидеры в международных отношениях: Неиспользованные возможности финляндской восточной внешней политики в 1920—1930-е годы // Элиты и лидеры. Традиционализм и новаторство. М.: Наука, 2007. С. 125—150.

3. *Андросова Т.В.* На страже независимости: Финляндская политика безопасности 1918—1922 гг. // ЭНОЖ «История». Т. 14, вып. 11 (133). DOI: 10.18254/S207987840028954-8

4. Докладная записка П.М. Керженцева НКИД и Реввоенсовету об условиях перемирия, выдвинутых финской делегацией, 23—24 июня 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 24423. Л. 1.

5. Докладная записка Г.В. Чичерина в СНК, РВСР, ЦК РКП(б) и Главкому вооруженных сил Республики по вопросу о перемирии с Польшей и Врангелем, о мирных переговорах с Финляндией и другими странами (Только тт. Ленину, Троцкому, Крестинскому и Каменеву). 13 июля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2055. Л. 1—2.

6. Докладная записка Г.В. Чичерина В.И. Ленину об условиях заключения мира с Финляндией, 14 июля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2055. Л. 4—5.

7. Заявление премьер-министра В. Таннера на заседании парламента 13.12.1926 г. Программа правительства. URL: https://valtioneuvosto.fi/-/14-paaministeri-vainotannerin-hallituksen-ohjelma (дата обращения: 21.06.2025).

8. Нота министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона от 8 мая 1920 г.: «в случае, если Советской Россией будет произведено нападение на территорию одного из окраинных государств, независимость которого ими признана в той или иной форме, союзники не могли бы допустить такого нападения, и оказали бы этому государству всяческую поддержку» // Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958.

9. Нота Дж. Керзона от 11 июля 1920 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Нота_Правительства_Великобритании_Правительству_РСФСР_от_11_июля_1920_года (дата обращения: 21.06.2025).

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 64. Л. 7—7 об.

11. Речь о 10-м пленарном заседании в Тарту // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2009. Л. 69—85.

12. Российский государственный военный архив (РГВА). Оп. 4. Д. 309. Л. 7.

13. Служебная записка Г.В. Чичерина секретарю ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому от 1 октября 1920 г. с уточнением смысла решения Политбюро // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 105. Л. 14.

14. Стенограмма (№ 12) 12-го пленарного заседания мирной конференции в Юрьеве (Тарту) // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2009. Л. 95—97.

15. Телеграмма (№ 8) Я. А. Берзина Г.В. Чичерину и членам политбюро о необходимости уступки Финляндии. 30.09.1920 г. (Весьма секретно) // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2015. Л. 36.

16. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809—1995. М.: Весь мир, 1998.

17. *Androsova T.* The Economic interest in Soviet post-war policy in Finland // Reassessing Cold War Europe / Ed. by S. Autio-Sarasmo, K. Miklossy. N.Y.: Routlege, 2011. P. 33—48.

18. *Androsova T.* Neuvostoliitto ja Suomen sotakorvaukset // Suomen sotakorvaukset 1944—1952. Mahdottomasta tuli mahdollinen. Keuruu: Otava, 2014. S. 39—65.

19. *Häikiö M.* A Brief History of Modern Finland. Helsinki: University of Helsinki, Lahti Research and Training Centre, Lahti, 1992.

20. *Tanner V.* Tarton rauha. Sen syntyvaiheet ja-vaikeudet. Helsinki: Tammi, 1949 (перевод с финского выполнен автором статьи, ранее книги В. Таннера на русском языке не издавались).

21. *Tiihonen S.* Hallitusvalta. Valtioneuvosto itseänisen Suomen toimeenpanovallan käyttäjänä. Helsinki: VAPK-Kustannus, 1990.

REFERENCES

1. Androsova T.V. Poslevoennye otnosheniya SSSR i Finlyandii: Torgovlya i politika [Post-War Relations between the USSR and Finland: Trade and Politics]. Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik-2007 [Economic History. Yearbook 2007]. M.: ROSSPEN, 2008. Pp. 511—546. (In Russ.)

2. Androsova T.V. Elity i lidery v mezhdunarodnyh otnosheniyah: Neispol'zovannye vozmozhnosti finlyandskoj vostochnoj vneshnej politiki v 1920—1930-e gody [Elites and Leaders in International Relations: Unused Opportunities of Finnish Eastern Foreign Policy in the 1920s and 1930s]. Elity i lidery. Tradicionalizm i novatorstvo [Elites and leaders. Traditionalism and innovation.]. M.: Nauka, 2007. Pp. 125—150. (In Russ.)

3. Androsova T.V. Na strazhe nezavisimosti: Finlyandskaya politika bezopasnosti 1918—1922 gg. [On Guard for Independence: Finland's Security Policy, 1918—1922]. ENOZh «Istoriya» [ENOZ "History"]. Vol. 14, issue 11 (133). DOI: 10.18254/S207987840028954-8 (In Russ.)

4. Dokladnaya zapiska P.M. Kerzhenceva NKID i Revvoensovetu ob usloviyah peremiriya, vydvinutyh finskoj delegaciej, 23—24 iyunya 1920 g. [Report by P.M. Kerzhentsev to the People's Commissariat for Foreign Affairs and the Revolutionary Military Council on the terms of the armistice proposed by the Finnish delegation, June 23—24, 1920]. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 2. Op. 1. D. 24423. L. 1. (In Russ.)

5. Dokladnaya zapiska G.V. Chicherina v SNK, RVSR, CK RKP(b) i Glavkomu vooruzhennyh sil Respubliki po voprosu o peremirii s Pol'shej i Vrangelem, o mirnyh peregovorah s Finlyandiej i drugimi stranami (Tol'ko tt. Leninu, Trockomu, Krestin-

skomu i Kamenevu). 13 iyulya 1920 g. [Report by G.V. Chicherin to the Council of People's Commissars, the RVSR, the Central Committee of the RCP(b) and the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Republic on the armistice with Poland and Wrangel, on peace negotiations with Finland and other countries (Only vol. Lenin, Trotsky, Krestinsky and Kamenev). July 13, 1920]. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2055. L. 1—2. (In Russ.)

6. Dokladnaya zapiska G.V. Chicherina V.I. Leninu ob usloviyah zaklyucheniya mira s Finlyandiej, 14 iyulya 1920 g. [Report by G.V. Chicherin to V.I. Lenin on the terms of peace with Finland, July 14, 1920]. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2055. L. 4—5. (In Russ.)

7. Zayavlenie prem'er-ministra V. Tannera na zasedanii parlamenta 13.12.1926 g. Programma pravitel'stva [Statement by Prime Minister V. Tanner at a parliamentary session on December 13, 1926. Government program]. URL: https://valtioneuvosto.fi/-/14-paaministeri-vaino-tannerin-hallituksen-ohjelma (date of access: 21.06.2025). (In Russ.)

8. Nota ministra inostrannyh del Velikobritanii lorda Kerzona ot 8 maya 1920 g.: «v sluchae, esli Sovetskoj Rossiej budet proizvedeno napadenie na territoriyu odnogo iz okrainnyh gosudarstv, nezavisimost' kotorogo imi priznana v toj ili inoj forme, soyuzniki ne mogli by dopustit' takogo napadeniya, i okazali by etomu gosudarstvu vsyacheskuyu podderzhku» [A note from the British Foreign Secretary, Lord Curzon, dated May 8, 1920: "If Soviet Russia were to attack one of the border states whose independence it has recognized in one form or another, the Allies would not allow such an attack to take place and would provide all possible support to that state"]. Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the USSR foreign policy]. T. II. M.: Gospolitizdat, 1958. Pp. 510—511. (In Russ.)

9. Nota Kerzona ot 11 iyulya 1920 goda [Note by J. Curzon dated July 11, 192]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Нота_Правительства_Великобритании_Правительству_РСФСР_от_11_июля_1920_года (date of access: 21.06.2025). (In Russ.)

10. RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 64. L. 7—7 ob. (In Russ.)

11. Rech' o 10-m plenarnom zasedanii v Tartu [Regarding the 10th plenary session in Tartu]. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2009. L. 69—85. (In Russ.)

12. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv, RGVA [Russian State Military Archive]. Op. 4. D. 309. L. 7. (In Russ.)

13. Sluzhebnaya zapiska G.V. Chicherina sekretaryu CK RKP(b) N.N. Krestinskomu ot 1 oktyabrya 1920 g. s utochneniem smysla resheniya Politbyuro [Memorandum by G.V. Chicherin to N.N. Krestinsky, Secretary of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), dated October 1, 1920, clarifying the meaning of the Politburo's decision]. RGASPI. F. 17. Op. 84. D. 105. L. 14. (In Russ.)

14. Stenogramma (№ 12) 12-go plenarnogo zasedaniya mirnoj konferencii v Yur'eve (Tartu) [Transcript (No. 12) of the 12th plenary session of the Peace Conference in Yuryev (Tartu)]. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2009. L. 95—97. (In Russ.)

15. Telegramma (№ 8) Ya.A. Berzina G.V. Chicherinu i chlenam politbyuro o neobhodimosti ustupki Finlyandii. 30.09.1920 g. (Ves'ma sekretno) [Telegram (No. 8) from Ya.A. Berzin to G.V. Chicherin and members of the Politburo on the need to make concessions to Finland. 30.09.1920 (Top Secret)]. RGASPI. F. 5. Op. 1. D. 2015. L. 36. (In Russ.)

16. Yussila O., Hentilya S., Nevakivi Yu. Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809—1995 [Political History of Finland 1809—1995]. M.: Ves' mir, 1998. (In Russ.)

17. Androsova T. The Economic interest in Soviet post-war policy in Finland. Reassessing Cold War Europe. Ed. by S. Autio-Sarasmo, K. Miklossy. N.Y.: Routlege, 2011. Pp. 33—48.

18. Androsova T. Soviet Union and Finnish war reparations. Finnish war reparations 1944—1952. The Impossible became possible. Keuruu: Otava, 2014. S. 39—65. (In Finn.)

19. Häikiö M. A Brief History of Modern Finland. Helsinki: University of Helsinki, Lahti Research and Training Centre, Lahti, 1992.

20. Tanner V. Peace of Tartu. Its origins and difficulties. Helsinki: Tammi, 1949 (the translation from Finnish was made by the author of the article; V. Tanner's books have not been published in Russian before).

21. Tiihonen S. Rulership. The government as the executive authority of independent Finland. Helsinki: VAPK-Kustannus, 1990. (In Finn.)